

М. М. Шитькова,
*доцент Литературного института,
кандидат филологических наук*

Мир звука в лирике Волошина

М. Волошин в одном из своих стихотворений цикла «Когда время останавливается...» рассуждает о непознаваемости мира в целом и сожалеет о том, что:

Как ядро к ноге прикован
шар земной. Свершая путь,
Я не смею, зачарован,
Вниз на звезды заглянуть.

Мир отрывочен и пуст...
Непривычно мне сознание
Знать его как сочетанье
Лишь пяти отдельных чувств.

Информацию об окружающем мире человек действительно способен получить только через имеющиеся у него пять чувств. Потом уже можно представить мир в виде образов и описать свое восприятие с помощью слова. Больше всего информации дает зрение: здесь и цвет, и свет, и форма. Мы помним, что М. Волошин не только поэт, но и художник. Многие его стихотворения — это законченные художественные полотна. Они почти зримы. Но поэзия — это еще и звучащее слово. Поэтому звуковой ряд можно анализировать и со стороны содержания и со стороны формы (фонетического облика).

Целью нашего наблюдения будут являться языковые средства создания звукового ряда в лирике М. Волошина. Под словом лирика мы подразумеваем здесь не все поэтическое творчество автора в полном

объеме, а ограничимся анализом стихотворных текстов, включенных М. Волошиным в две свои первые книги, которые он назвал книгами лирики. Они были написаны до 1914 года — «Годы странствий» и «Selva oscura». Как нам кажется, автор, давая такое определение — книги лирики, хотел подчеркнуть лирический, во многом личный характер своих стихотворений этого периода, в отличие от произведений, включенных позже в книгу о войне и революции «Неопалимая купина».

В первую очередь, хочется обратить внимание на тот факт, что если анализировать лексические значения и оттенки значений у слов, которые можно включить в звуковой ряд, то сразу выделяются, во-первых, мир звука человека, и, во-вторых, мир звуков окружающей природы. Кроме того, нельзя рассматривать звук без его противоположности — тишины. Тишина может восприниматься как отсутствие звуков вообще и как отсутствие механических (неприродных) звуков.

Значение звука в слове может быть прямым (например, звенеть — издавать звон) и опосредованным, связанным с привычным восприятием слова. Например, слово пощечина имеет значение «удар по щеке», но психологически пощечина всегда представляется резким, звучащим ударом.

В контексте значение может метафорически переосмысливаться. Например, рыдать — действие, присущее человеку (рыдать — громко, судорожно плакать). В поэтическом тексте рыдают ветер, море и т. д.

Итак, мир звука человека — это звуки, связанные с его природой, сущностью, а также механические звуки, возникающие в процессе его деятельности как существа цивилизованного. Отдельно стоит выделить музыку как вид человеческого искусства.

Звуки, свойственные человеческой цивилизации, слышатся в лирических стихотворениях М. Волошина нечасто. Например, в стихотворении «В вагоне» описывается шум вокзала и движение поезда: «грохот, носильщики, свет электрический, крики, прощанья, свистки, суетня», «однотонный шум колес», «поезд гремит». Есть и звукоподражание («ти-та-та... та-та-та»), с помощью которого передается шум, издаваемый поездом. Этот шум — символ вечного повтора.

Песенкой этой все в жизни кончается,
Ею же новое вновь начинается,
И бесконечно звучит и стучит это:
Ти — та — та... та-та-та... та-та-та... ти-та-та...

Похожий мотив однообразного повтора встречается в другом стихотворении:

И комната во мне. И капает вода.
И тени движутся, отходят, вырастая.
И тикают часы, и капает вода,
Один вопрос другим всегда перебивая.
(«Зеркало»)

Все это символы бесконечного повтора в цивилизованном, техногенном мире, в котором присущие ему звуки, в стихотворениях М. Волошина, резки и беспокояще неприятны.

Мир звука человека вообще, вне его связи с цивилизацией гораздо богаче. Это слова, характеризующие речь: имена существительные — гоос, шепот, зов, звук, ропот, речи, слово, призыв, интонация, жалобы, молитвы; глаголы — говорить, шептать, лепетать, звать, молить, просить, спорить, кричать; глагольные формы — глаголящий, звучащий.

С другой стороны, отметим звуки, связанные с человеческими эмоциями: смех-смеяться, хохот, плач-плакать, всхлипы-всхлипать, стон-стонать, рыдания-рыдать, вопль.

Любопытно, что слов, выражающих положительные эмоции несравнимо меньше. Рассмотрим примеры: «Хохот мерзкий, как проказа», «Мне слышать стало нестерпимо Прохожих свист и смех детей». Вряд ли речь идет о положительных переживаниях лирического героя.

Единственный раз, в цикле «Облики», встречаются строки:

Сменяя тишину веселым звоном пира,
Проходишь ты, смеясь, меж перьев и мечей...

Здесь смех действительно легок и весел.

Другие звуки, свойственные природе человека, замеченные Волошиным, — шаги, поступь, дыхание, дышать, стук сердца, дрожь.

О, как чутко, о, как звонко
Здесь шаги мои звучат!
Легкой поступью ребенка
Я вхожу в знакомый сад...

(из цикла «Amori amara sacrum»)

Мы говорим сейчас о прямых значениях слов, но если обратить внимание на синтагматические отношения слов, значения которых обращены к миру звука человека, то можно заметить, что они редко выступают в своих прямых значениях, то есть характеризуют конкретного человека.

Большое количество контекстов содержит персонификацию. Если голос — то голос моря, голос пламени, «однообразный голос вод»; речи — «трав прерывистые речи», «звучит ручьев прерывистая речь», мольба, молитва — «ветви тянутся молясь».

Озвучивает переживания поэт также чаще не человеческие: и «всхлипают волны», «рыдания ветра», «жалобы волны», «воплъ моря», «плач теней». Можно даже услышать дыхание. Но вовсе не живого существа. У М. Волошина «дышит земля», «дышит тяжело усталый Океан», слышится «прерывистое дыхание ветров», «дыханье трав».

Трудно в реальности расслышать дрожь, ее ведь ощущают. Но во внешней оболочке слова содержится сочетание звуков држ, которое часто используется в поэзии — в контекстах с аллитерацией. В стихотворениях М. Волошина:

«дрожало море вечной дрожью»
«Парус в темноте, скользя по бездорожью,
Трепещет древнею, таинственной дрожью».

Как нам кажется, здесь описывается не столько внешнее состояние поверхности моря или паруса, сколько их внутренние ощущения, которые должен «услышать» читатель.

Интересна особенность лирики М. Волошина. В его стихотворениях много глаголов повелительного наклонения, обращений-вопросов: послушайся, послушай, внимли, прислушайся, слышишь?

А что нужно услышать?

И слушай, не дыша,
Как ключ журчит, как шелестят вершины
Осокорей, звенят в воде кувшины...
Учись внимать молчанию садов,
Дыханью трав и запаху цветов.
(из цикла «Блуждания»)

Другой пример:

И идешь и не дышишь...
Холодеют поля.
Нет, послушай... Ты слышишь?
Это дышит земля.
(из цикла «Amori amara sacrum»)

Любопытно, что мы все это уже слышим. В этих отрывках масса шипящих и свистящих звуков, звуков Ч и Х. Особенно ощутим звуковой ряд при прочтении этих строк шепотом.

О себе лирический герой говорит: «Я весь — внимающее Ухо».

Не менее интересным представляется тот факт, что такая чуткость, такое внимание к почти неслышным звукам Земли-природы не равны вниманию к музыке как виду человеческого искусства. Словесный ряд, связанный с музыкой как видом искусства очень невелик: флейты, свирель, мандолина, фанфары, бубенцы, бубны, струны, симфонии, голос рога, трель, хор, петь, пение, песня, песенка, напевы.

Все слова, кроме «петь» и однокоренных с ним, использованы один, максимум — два раза. Например, слово струны встречается в обращении к луне в венке сонетов «Лунария»:

Тоской любви в сердцах повторены
Твоих лучей тоскующие струны.

Обратим внимание, что значение переносное (лучи уподоблены струнам).

«Пастуший голос рога» и «звон верблюжьих бубенцов» звучат в стихотворении «Пустыня» из глубины веков. Это не музыкальные инструменты в современном понимании. У них вполне утилитарное значение.

В стихотворениях М. Волошина музыка рождается не с помощью музыкальных инструментов и поет чаще всего не человек, а «мысли поют», «поет влюбленная волна», «стих поет в волнах прилива», «пели сны». Есть сочетания «поющее пламя» и «певучий пламень». Красивы метафоры со словом хор: «журчанье утр сольется в дневном хоре», «в хорах волн напевы Одиссеи».

Как нам кажется, это представление о музыке не человека как субъекта современной цивилизации, для которого музыка — это замена, подражание чему-то природному, с чем он был когда-то связан. Но и не дикаря. Это представление человека, уставшего от цивилизации и сбежавшего от нее.

Подавляющее большинство звуков в стихотворениях М. Волошина — звуки окружающей природы: шум-шуметь, грохот-грохотать, гром-греметь, шелест-шелестеть, шуршанье-шуршать, всплески-плескаться, рокот-рокатать, гуденье-гудеть, журчанье-журчать, гул, гам, вой, клекот, шорох и т. д. Данная группа слов самая большая. Сюда следует также поместить слова, обозначающие реалии — носители звуков: прибой, ветер, вихрь и др. Заметим, что основную массу составляют слова, этимологически восходящие к звукоподражаниям. Например, общеславянское грохот образовано от звукоподражательного грох, восточнославянское журчать — от журчь. Такой же природы слова ропот, топот, рокот, крик, гул, гам, шелест, шорох, всплеск, вой, клекот и др.

Почти всегда эта их особенность, закрепленная в фонетическом облике слова, используется для создания звукового рисунка стиха: «шуршали шелесты струистого стекла», «грохочут глухо грома», «топоты погонь» и т. д.

Звуковой организации стиха М. Волошин уделяет очень много внимания. Выше уже приводились примеры, в которых звукопись играла большую роль. Хочется предложить еще один:

Все так же пуст Эвксинский пнт
И так же рдян закат суровый,
И виден тот же горизонт,
Текучий, гулкий и лиловый.
(из цикла «Киммерийская весна»)

Заметим, что употреблено всего одно слово со значением передачи звука — гулкий. Но в ритмике стиха, в звуковых повторах

пуст — Эвксинский
пуст — понт
рдян — суровый
гулкий — лиловый

можно услышать плеск и рокот Черного моря — древнего Эвксинского понта.

Если выбирать «излюбленные», чаще всего встречающиеся слова-звуки, то остановится следует на таких словах, как крик, свист, звучать, звенеть, гудеть, шуршать и, в особенности, шелестеть-шелест.

В словаре указывается: «шелест — звук, производимый слабым трением, касанием. Шелест листьев. Шелест страниц» (С. И. Ожегов. Словарь русского языка). У М. Волошина находим шелест вершин деревьев: «шелестят вершины осокорей». Есть и шелест страниц: «Я люблю усталый шелест старых писем, дальних слов». Но что любопытно, это «усталый» шелест. Кроме того, шелест «дальних слов», а не только писем. У рассматриваемого слова возникает дополнительное значение — звук, напоминающий об ушедшем, о прошлом. В другом стихотворении шелестят сказки, напоминая о далеком детстве:

Легкой поступью ребенка
Я вхожу в знакомый сад...
Слышишь, сказки шелестят?

Обратим внимание на еще один пример: «Я шелест старины, скользkiej мимо». Здесь шелест не просто указывает на ушедшее, но и включает это ушедшее в понятие вечности, всегда находящейся где-то рядом, но скользkiej мимо. И с этой точки зрения шелест моря — тоже напоминание о вечности, повторяемости и безысходности.

Спустись в базальтовые гроты...

...

Прислушайся, как шелестит
В них голос моря — безысходней,
Чем плач теней...

(«Карадаг»)

(о море)

Широко шелестит фиалковая риза
(из цикла «Киммерийские сумерки»)

Остановимся на не менее интересном факте. М. Волошин как стилистический прием использует явление синестезии (взаимосвязь двух или более чувственных ощущений). Людей-синестетиков, способных, например, видеть музыку или ощущать на вкус звуки, крайне мало, но такие необычные ощущения могут посетить человека в минуты творчества, когда рождается его произведение.

Вот некоторые строки из стихотворения М. Волошина «Рождение стиха»:

В душе моей мрак грозовой и пахучий...

...

О, запах цветов, доходящий до крика!

...

И стих расцветает цветом гиацинта,
Холодный, душистый и белый.

Здесь сливаются и звуковой, и зрительный, и обонятельный, и осязательный ряды.

В заключение необходимо вспомнить о том, что существует проти-

воположность звука — тишина. Если иметь в виду человека, то значение «отсутствие звука» могут приобретать слова молчание, немота и глухота. Лексические значения у этих слов разные, но в поэтическом контексте возможна их взаимозамена и расширение значения. Например:

Ты живешь в молчаньи темных комнат
(из цикла «Облики»)

Молчание — синоним тишины (молчание комнат — персонификация). Похожий случай:

Край одиночества,
Земля молчания
(«Возлюби просторы мгновенья...»)

Молчание не всегда равняется тишине:

В молчаньи ночи одинокой
Я слышу звук твоих шагов.
(«Другу»)

В стихотворении «Карадаг» присутствует характеристика «зыбкое молчанье»:

Над черно-золотым стеклом,
Струистым бередя веслом
Узоры зыбкого молчанья,
Беззвучно оплыви кругом
Сторожевые изваянья.

...

И над кормой
Склонись, тревожный и немой,
Перед богами преисподней.

Значение «отсутствие звука» содержат слова беззвучно, немой и «зыбкое молчанье». Из словаря мы узнаем, что «зыбкий — находящийся в состоянии легкого колебания, зыби, легко приходящий в колебание» (С. И. Ожегов. Словарь русского языка). Понятно, что звук может колебаться. А здесь некое переходное состояние. Возможно, молчание в рассматриваемом контексте характеризует молчащую, то есть спокойную морскую гладь. Но спокойная — для поверхности воды — это условность, это лишь отсутствие сильного волнения. Спокойствие воды, морской поверхности зыбко, в любой миг может возникнуть колебание. Может быть беззвучным, немым следует быть для того, чтобы смочь ощутить эту зыбкость?

Выше мы останавливались на призыве вслушайся, внимли и др. Но тут же присутствует и понимание тщетности подобных усилий. Мы будем слушать, но не услышим. Тайны Земли непознаваемы, недоступны для понимания.

Земли отверженной — застывшие усилья.
Уста Праматери, которым слова нет!

...

Я сам уста твои, безгласые как камень,
Я тоже изнемог в оковах немоты.
Я свет потухших солнц, я слов застывший пламень,
Незрячий и немой, бескрылый, как и ты.

(из цикла «Киммерийские сумерки»)

Немота и вечность, вечная тайна здесь суть одно и то же. Нам иногда доступно услышать легкий шелест скользящей мимо вечности, но:

Как ядро к ноге прикован
Шар земной. Свершая путь,
Я не смею, зачарован,
Вниз на звезды заглянуть.
Непривычно мне сознанье
Знать его как сочетанье
Лишь пяти отдельных чувств.